

Жажда открытий и приключений в сочетании с завышенными амбициями и провинциально-консервативно-академическо-педагогическим художественным русским образованием стали причиной массы толковых и бесплодных событий, в которые я бессовестным образом вовлек многих талантливых людей.

Имея глупость называть современным искусством учебные работы, будучи ещё студентом, я с серьёзным видом, одну за другой, открывал выставки. Имея наглость начать преподавать в возрасте семнадцати лет, я сам ещё не понимал, да и сейчас не понимаю толком, что такое искусство. Оглядываясь же на все мною «натворённое», я всегда только смеялся над своей наивностью, но ничто не заставило меня остановиться.

Всегда найдётся благодарный зритель, который разделит с наивным художником радость открытий давно открытых истин. В какой-то момент я понял, что едва ли смогу сообщить своему зрителю о чем-то новом, но даже это не заставило меня остановиться, я продолжаю делать то, что делаю. Ничего иного я не умею и не хочу делать. Мне нравится считать себя художником и я люблю свою жизнь.

Моя жизнь и есть объект моих экспериментов, которыми я занимаюсь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю и даже в дни национальных праздников. Мой офис – это большой голубой шар, площадью чуть большей пятисот десяти миллионов квадратных километров. Все люди в офисе – мои коллеги. С ними я пытаюсь найти общий язык. Точнее бесконечное множество всевозможных языков. Я понимаю, что бесконечность не подвластна простому смертному, но и это не заставит меня остановиться.

Специальный авантитул для экспозиции
«Осень халасо»
в Музее EDO
(5.11.2011-5.12.2011),
Шанхай.

Незаконченная книга. Сергей Баловин.

Впервые подписано в печать в Шанхае 28.10.2011. Формат А5, возможны любые изменения. Тираж не лимитирован.

Первая редколлегия: Татьяна Байдак, Анна Гришакова, Ада Лю, Ачинти Витанеж, Иван Мельников, Юань Цун, Сергей Седлер, Зиновьев Александр, Юлия Кулон.

При содействии Русского клуба в Шанхае, Магазины и Лаовайкаста.

© Сергей Баловин, 2011

Копирование и перепечатка материалов в некоммерческих целях приветствуется, ссылка на автора обязательна

ОСЕНЬ ХАЛАСО

Глава 1

Когда я работал в Воронежском пединституте, у меня была отдельная группа студентов из Китая, которым я преподавал живопись. Мне достались раздолбай, которые часто прогуливали занятия. Только студент Лю Ган исправно ходил всегда. Однажды он честно пришёл один из всей группы предупредить, что сегодня никто не сможет заниматься живописью, потому что декан поручил всем разучивать патриотическую песню о дружбе народов. Сунул мне пачку китайских сигарет и ушёл пить с товарищами. Он всегда дарил мне сигареты, несмотря на то, что я не курил.

Лю Ган любил Россию и прожил там семь лет. После окончания основного обучения решил писать кандидатскую диссертацию. Все семь лет он жил в студенческом общежитии и готовил китайские блюда для своих соотечественников. Иногда он приглашал меня на ужин оценить его очередной кулинарный опус. Однажды я спросил его, нравится ли ему русская кухня, Лю Ган кивал головой:

– О-о! Да, это осень вкусно!

– А есть у тебя любимое блюдо?

– Да, да, – кивал Люган, – майонез! Майонез – осень халасо!

Как-то раз Лю Ган привел ко мне в мастерскую какого-то китайца и сказал, что это его учитель, товарищ Шень, известный художник из города Чунчинь. Оказалось, что учитель приехал в Воронежский пединститут преподавать живопись. Он подписал какой-то контракт на русском языке и получилось, что прибыл по студенческому обмену. Его поселили в общежитие со студентами, где он прожил полгода. Россию он в основном наблюдал из окна своей маленькой комнатки, работая над пейзажами по фотографии. Иногда, отдыхая от работы, он с друзьями стрелял из пневматической винтовки из того же окна по бутылкам, стоявшим у мусорки.

Товарищ Шень пришел с пачкой сигарет. Я налил ему коньяка. Захмелев, Шень стал нахваливать мои акварели:

– О-о! Халасо! Осень халасо!

Сказал, что мог бы помочь мне с выставкой в своём родном Чунчине. Лю Ган перевёл мне, что это большой современный город и там такие работы будут интересны людям, и люди точно что-то купят.

Я писал их в течении нескольких лет путешествий по Европе и России. Каждый раз работал с натуры, рядом с каким-нибудь водоёмом, из которого и брал воду: от каналов Петербурга и Венеции до Ламанша и Атлантического океана. Эти пробы воды были для меня подобны священному ритуалу. В них было что-то очень личное и эти работы были очень дороги для меня. Мне всегда жалко было их продавать, но и хранить все в закрытых папках тоже не хотелось. Я мечтал их когда-нибудь выставить. Но в России не так много ценителей акварели, и это было бы слишком затратно. Поэтому я сразу принял предложение о выставке в Китае, и мы договорились о возможных сроках.

Вскоре товарищ Шень попросил помочь устроить его персональную выставку в музее изобразительных искусств в Воронеже. Стоит отметить, что это лучшее место в городе, где можно было бы выставиться. Это серьёзный музей с богатой коллекцией русского и западноевропейского искусства, и сделать выставку там большая честь для любого художника. Мне посчастливилось представить там совместный с французами кураторский проект, и товарищ Шень знал, что в музее ко мне относятся хорошо. Договориться о его выставке было довольно сложно. Товарищ Шень должен был уехать уже через три месяца, а график музейных мероприятий на ближайшие полгода был уже утверждён. Тем не менее, директор пошёл на встречу, и выставку вскоре открыли.

Шень все время благодарил меня за помощь, дарил сигареты и повторял, что будет помогать мне в Китае. С ним мы общались только через переводчиков. За полгода жизни в России он выучил единственную фразу:

– Осень халасо!

Когда он вернулся в Чунчинь, я начал готовиться к поездке. Оформил визу, договорился с руководством института, чтобы мне предоставили отпуск в начале учебного года и купил билеты себе и

Лю Гану. Он согласился лететь со мной в качестве помощника и переводчика. Товарищ Шень обещал найти хорошую галерею и жилье.

За четыре дня до вылета Лю Ган сообщил, что товарищ Шень уехал из Китая на год куда-то в другую страну и помочь не сможет. В Китае нас никто не ждал. Сдавать билеты не хотелось. В тот же день мои китайские студенты собрали экстренное заседание в баре. Решался вопрос о том, кто меня встретит в Китае. В итоге вместо города Чунчиня мне предложили город Цзинань. Вместо товарища Шеня, предложили дядю Шу. Шу – дядя студента Вэна, у которого я руководил дипломной работой. Дядя Шу там заведовал какой-то школой искусств и теперь он должен был нас встречать и помогать с выставкой.

В Цзинане как раз не так давно работал мой учитель Георгий Пушкин, он знал дядю Шу. Я купил коньяк и пошёл к нему проконсультироваться. Я нервничал, Пушкин меня успокаивал:

– Не переживай, Серега! Дядя Шу тебе поможет! – говорил Пушкин.

Вскоре мы с Лю Ганом и его подругой уже шли по Пекину. Пекин пытался нас расположить к себе своим тёплым октябрьским солнцем, но я не переставал нервничать: организовать нормально выставку, ради которой я приехал, за два месяца без предварительных договорённостей очень сложно. В этой стране я не знал никого, кроме моего переводчика и его подруги.

Через пару дней мы уже стояли на вокзале в Цзинане. Нас никто не встречал. У меня был огромный чемодан, в двойном дне которого томились около 70 акварелей. С нашими вещами мы втроём даже не могли втиснуться в одну машину. Мы взяли два такси и поехали искать дядю Шу.

Глава 2

Конечно первое, что сделал дядя Шу при встрече – протянул мне пачку сигарет. Через час мы сидели в облаке дыма, в его маленьком заваленном каким-то хламом кабинете, пили зелёный чай и разговаривали. По-китайски я мог сказать только «Ни хао», Шу мне отвечал: «Осень халасо».

Мой переводчик Лю Ган работал прекрасно. Пятиминутный монолог он переводил двумя-тремя лаконичными словами. Так я почти никогда до конца не понимал, что происходит и что от меня хотят.

Полдня мы потратили на поиски того отеля, где бы меня согласились принять. Оказалось, что иностранцев можно селить только в люксы, а мой бюджет этого не предполагал. Наконец к вечеру нашлось что-то приемлемое, и напившись пидзе, дико уставший, я лёг спать.

Утром меня разбудил Лю Ган и сказал, что мы поедем жить к маме Вэна, моего студента, которому Шу приходился дядей. Мне уже было все равно. У гостиницы нас встречали две шикарные черные машины с административными номерами и спецсигналами. Нас куда-то долго везли среди гор. Через два часа мы въехали в какой-то город и остановились у большого пятизвездочного отеля. Мне уже не приходилось тащить свой неподъёмный чемодан, его тут же доставили в номер. Лю Ган сказал, что пока можно отдыхать, а позже встретимся с родителями Вэна.

Вечером приехала мама Вэна. Это ее водители нас встретили в Цзинане, это она заказала для нас номера в отеле. Она занимала высокий пост в местной администрации и была очень уважаемой личностью в городе. Вскоре мы шли по мягкой ковровой дорожке длинного коридора. У каждой двери нам кланялись симпатичные девушки в шёлковых платьях.

В одной из комнат, за роскошно накрытым круглым столом, нас ждали какие-то люди важного вида. В одном из них я узнал встречавшего нас водителя, другие мне были незнакомы. Оказалось, что это местные коммерсанты и чиновники. Но среди них оказался и живописец, товарищ Вий. Он возглавлял местный союз художников и сказал, что будет помогать с организацией выставки.

Вокруг нас все время кружились официантки, выстраивая на столе с вращающимся диском хоровод помпезно украшенных блюд. Каждое новое блюдо ставили передо мной. Как особый гость, я должен был попробовать первый. При этом все пили простое пиво из маленьких стопок. Официантки заботливо наполняли стопки до

краёв, даже после одного глотка. Мы громко разговаривали по-китайски, к тому моменту я выучил еще два слова «Хэ» и «Кампэй».

Наконец я достал привезённые акварели. Все замолчали и закурили. Потом товарищ Вий начал что-то долго объяснять. Лю Ган перевел, что Цзинань это маленький город, поэтому люди там не понимают современную живопись. Для них картина на холсте – уже что-то современное. А такие акварели никто не поймёт. Сказал, что нужны пейзажи с маслом: “Осень халасо! Осень халасо. Зима халасо. Делево халасо, гала халасо, снег халасо...”.

Глава 3

Я хотел расстроиться. Но ехать куда-то в Чунчинь, где мои акварели кажется должны были кому-то понравится было бессмысленно: я никого там не знал и был ограничен в средствах, чтобы все время жить в отеле. А здесь мне пообещали предоставить мастерскую и все необходимые материалы. С меня не спрашивали денег, за все предполагалось платить картинками типа «осень халасо».

На следующий день мы купили все необходимое для работы, и нас отвезли куда-то в горы. Это была база отдыха для местных чиновников, где нас поселили в небольшой домик с террасой. Я приступил к работе. В моем распоряжении было чуть больше месяца. Для выставки необходимо было приготовить не меньше шести-десяти «калитина с маслом», а это осень много.

Каждый день я вставал на рассвете, выходил на террасу с чашкой кофе и начинал писать. Сначала я писал то, что меня окружало – искать сюжет долго не приходилось. Вокруг уже все было халасо: гала, делево, осень. Я писал с натуры не отходя от дома.

Через несколько дней приехал наш президентский картеж и всех опять куда-то повезли. Мы снова встретились с товарищем Вием и он посмотрел, то что я уже успел сделать. По реакции было сложно понять, нравятся ему работы или нет. Я снова почувствовал себя студентом, который пришёл на зачёт. Лю Ган перевел, что надо больше реализма и вообще не нужен Китай, пусть лучше будет Россия или Европа.

Надо сказать, что эту живопись, на грани кича, не актуальную и не современную на западе, делать мне было довольно интересно. Манера, в которой я работал, была старомодной, даже салонной. Я оставил все свои амбиции, принципы и предрассудки. Я посвящал эти работы китайскому народу, так тепло меня принявшего в своей стране. Я решил принимать во внимание все замечания и советы от народа, даже самые абсурдные. Иногда меня просили дорисовать влюблённую парочку, иногда просили китайский дом превратить в русский. Да и работал я тоже в ритме китайских рабочих. Стоя перед станком по 12-14 часов в день, я пытался произвести необходимое количество единиц продукта согласно техзаданию в установленный срок.

Эта работа в то же время была подобна игре: каждая картинка становилась исполнением какой-то роли. Я пытался играть Коровина, Левитана, Моне – русских и европейских классиков, чьё творчество мне симпатизировало. Это не было поиском каких-то новых форм самовыражения, эта была игра по нотам, давно написанным другими композиторами. Но это приносило удовольствие. Я погружался в воспоминания о Франции, Италии, о путешествиях по России, о моем любимом Крыме.

Все шло хорошо, даже слишком. Каждый день меня знакомили с очередным важным чиновником или почётным гражданином города. Меня встречали по-королевски. Роскошные ужины в ресторанах... Личный водитель, появлявшийся по первому требованию. Я стал сомневаться в реальности происходящего. Иногда мне казалось, что я схожу с ума. В какой-то момент даже перестал доверять окружающим меня людям: а вдруг они все лгут и только эксплуатируют меня. После случая с товарищем Шенем мне казалось это вполне возможным.

Звонил учителю Пушкину, поведать о своих беспокойствах. Я нервничал, Пушкин меня успокаивал:

– Не переживай, Серега! Ну встретили, ну хорошо! Китайское гостеприимство...

Китай мне казался другой планетой, где действовали иные законы физики. Я решил, что не буду искать никаких объяснений

всех этих чудес и просто работал, как по-видимому, и поступает подавляющее большинство китайцев. Так за полтора месяца я закончил около ста холстов. Часть из них предстояло раздать в качестве подарков людям, помогавшим мне, остальные шли на выставку.

Глава 4

Наконец пришло время: срок действия визы скоро заканчивался, нужно было открывать выставку в ближайшие дни. Мы вернулись в Цзинань, где и планировалось открытие. Оказалось, что дядя Щю еще не договорился насчёт зала. Кроме того, работы нужно было оформить в рамы. Только оформление такого количества работ занимает обычно не меньше двух недель, а об аренде зала обычно договариваются минимум за полгода.

Все картины мне оформили за три дня. Зал нашли практически сразу. Это было огромное пространство. Его было сложно заполнить даже тем небольшим количеством работ, что я успел сделать за это время. Тогда я решил добавить в экспозицию привезённые из России акварели. Потом выяснилось, что аренда зала стоит каких-то немыслимых денег в день. Я представил, что если я сниму его на две недели (обычно это минимальный срок для выставки), я разорюсь. Я нервничал, Лю Ган меня успокаивал:

– Две недели не нужно. Три дня – осень халасо!

В итоге зал был арендован на три дня, за два из которых я опять же расплачивался одной картинкой.

Накануне я посетил открытие другой выставки в том же месте, чтобы понять как лучше все организовать. Выставлялся какой-то мэтр традиционной китайской живописи. Было представлено более ста внушительных размеров картин. Оказалось что экспозиция закрывалась уже вечером, в день открытия. Я старался не удивляться тому, что торжественная часть была назначена на восемь утра.

Перед залом толпился народ. Вход украшал огромный надувной портал красного цвета и немыслимое количество венков,

в точности таких же, с которыми в России провожают усопших в последний путь.

– Боже, художник умер? – вырвалось у меня.

– Нет. Так положено, – объяснил Лю Ган.

Перед порталом стояла армия старушек в национальных костюмах, у каждой был здоровенный барабан. Время от времени они исполняли какие-то забойные партии. Потом разразился фейерверк, перерезали ленточку и радостная толпа ломанулась в зал смотреть искусство. Я повернулся к Люгану:

– Послушай, родной. А мне так же надо все обставить: венки, портал, бабушки с барабанами?

– Так положено.

– А если я не буду этого делать.

– Люди скажут, что это бедная выставка.

Я все же рискнул отказаться от этой праздничной мишуры.

Часа четыре я расставлял экспозицию. За час все работы были развешены отрядом бравых китайских студентов, которых направил на помощь дядя Щю. Еще два часа в качестве благодарности пришлось фотографироваться с ними на фоне всех работ.

Открытие я решил назначить по-позже – хотя бы на девять утра. Возможно поэтому, людей пришло совсем немного. Торжественная часть прошла спокойно. Единственный журналист взял длинное интервью у какого-то старика и задал пару вопросов мне. Через час все разошлись. Во второй половине дня зашёл простого вида человек в спортивной одежде, сделал три круга по залу и попросил завернуть ему пятьдесят две работы. Лю Ган помог погрузить картины в машину и принес мне полный рюкзак денег. Подобным образом экспозицию посетили ещё несколько человек, и концу следующего дня стены зала практически опустели. Третий день был лишним: на стене скучали только несколько несчастных акварелей отверженных народом. Потом их выпросили в обмен на свои работы местные художники.

Продано было практически все, но мне продолжали поступать заказы. Последние холсты я писал прямо в гостиничном номе-

ре, пока не позеленел отравившись красками. Незаконченные работы у меня стал выпрашивать хозяин багетной мастерской, в которой сделали все рамы. Он настойчиво вручал мне пачку денег, даже не видя самих картинок.

Вернувшись в Россию, я подумал: а что, неплохо! Даже осень халасо! Уволился из университета, и стал оформлять новую визу в Китай.

Глава 5

К следующему приезду я подготовился заранее. С собой у меня было несколько холстов, написанных во Франции и обширный предварительный материал для работы: этюды, эскизы, фотографии. Качество «продукта» улучшилось и я поднял цены в два-три раза. На этот раз моим агентом был Вэн.

Конечно эти выставки были коммерческими проектами. Я понимал, что это может негативно отразиться на моем имидже на западе. Но игра меня не отпускала. Я уже не удивился, когда ещё до открытия экспозиции появился какой-то напыщенный коммерсант и сказал, что купит все сто двенадцать работ. Я отказал, потому что предложенная цена меня не устроила. Окружающие меня помощники видимо решили, что моей жадности нет предела. Но я уже уверенно чувствовал себя не столько художником, сколько хорошим дельцом. Только позже я осознал, что глубоко заблуждался.

И все же вторая выставка прошла с не меньшим успехом, чем первая. Я решил остаться пожить в Китае и отправился искать подходящее жильё в полюбившемся мне Шанхае.

Там я снял большую квартиру на последнем этаже одной из шанхайских высоток с великолепным видом на город. На этот раз я решил работать не спеша. Я больше не нуждался ни в каких дополнительных заработках. У меня появилось много свободного времени и меня затянула какая-то безумная богемная жизнь: вечеринки, рестораны, концерты...

Через полгода мой кошелёк опустел и я призадумался о третьей выставке в Цзинане. У меня набралось уже достаточное

количество картин и я вложил все оставшиеся деньги в организацию третьей экспозиции. Вот тогда я и понял, что бизнес не моё призвание. Я не стал больше обращаться к дяде Щю, всеми вопросами занимались мы с Вэном. Но он устроился работать и большую часть времени был занят другими делами. В результате все пошло как-то не так: зал был далеко от центра города... На открытие не удалось собрать «нужных» людей... Не купили практически ничего.

Я вернулся в Шанхай ни с чем. От голодной смерти меня спасал мой проект «натуральный обмен». В интернете я разместил объявление, в котором предложил людям делать их портреты тушью в обмен на еду и предметы первой необходимости. Мне несли все: начиная от фруктов и кофе, заканчивая мебелью и бытовой техникой. Но надо было как-то оплачивать квартиру. Как раз кстати в гости зашли предводители русской общины в Китае. Они сказали, что в жизни русского Шанхая не хватает творческой составляющей и предложили проводить у меня встречи русского клуба, собирая с гостей небольшие взносы на погашение аренды квартиры.

Так моя домашняя студия стала одним из культурных центров русского Китая. У меня стали останавливаться всевозможные музыканты, режиссёры, художники. Я начал организовывать концерты, кинопоказы и вечеринки. Ко мне стали приходить десятки людей выпить вместе чаю и пообщаться с очередным интересным гостем. Кризис открыл мне тот факт, что сама жизнь и ее реальность представляют для меня большую ценность, чем вымышленные миры. Мой мир населен реальными людьми. Их пути пересекаются с моим. Человек, с которым меня сводит судьба, попадает в мою историю. Каждый, кто влияет на нее, становится активным соучастником творческого процесса, который я не рассматриваю отдельно от жизни.

Представленные страницы этой недописанной книги, без обложки и иллюстраций, – не начало истории, это лишь её часть. Появится ли недостающее содержание, и каким оно будет – зависит от вас, моих соавторов.

*Сергей Баловин,
Шанхай 2011*